

Γολγοθα

Adi Riel

18+

Adi Riel

Голгофа

<https://litres.ru/74651967>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трусость – мать всех остальных пороков.

Жара беспощадна, расписание жестко регламентировано, и до шествия на холм осталось всего несколько дней. Джованни Марчелло, дотошный, раненый, всегда уверенный, что именно он видит все ясно, ведет записную книжку о недостатках Вождя, красную папку с документами и письмо, которое никогда не должно быть отправлено. Или, может быть, должно.

Перемещаясь между залами совета, закрытыми ставнями окнами и ящиком с красным воском, он обращается к единственному слушателю: своему молчаливому помощнику, который никогда не отвечает и никогда не отводит взгляд. Марчелло объясняет, оправдывается, считает и считает снова. Но что же он на самом деле считает?

Рассказанная целиком через самооправдывающийся монолог одного человека, «Голгофа» – это клаустрофобное, мрачно-комическое исследование человека, который никогда не лжет прямо, а лишь выбирает подходящий момент. Ничто не является тем, чем кажется, и последняя страница заставит вас перечитать первую.

Содержание

Глава первая. Дорога	5
Глава вторая. Как он приехал	9
Глава третья. Родословная	14
Глава четвёртая. Тот, что при светильниках	19
Глава пятая. Совет	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Adi Riel

Голгофа

ГОЛГОФА

Трусость — мать всех остальных пороков.

Глава первая. Дорога

Повозку трясло на каждом камне, а камней на этой дороге было больше, чем самой дороги.

Не отворачивайся. Голова раскалывается с рассвета, левый висок, ты знаешь. Но речь не о ней. Речь о том, что нас везут по такому пеклу, по такой дороге, и никто — слышишь, никто — не спросил, нужна ли для этого именно эта дорога.

Ассистент смотрел перед собой. На коленях у него лежала папка, перетянутая кожаным шнурком.

Хотя что там спрашивать. Он решил, значит, так и будет. Знаешь, как я это называю? Не волей. Привычкой не слушать. Волевой человек сначала выслушает, а потом сделает по-своему. А этот не слушает вовсе, и потому ему кажется, что он воля.

Колесо провалилось в колею, и папка сдвинулась. Он придержал её ладонью.

Веду счёт: когда спросят (а спросят всегда), у человека на моём месте должна быть опись. За вчерашний день у меня шесть слабин. Первая — за завтраком, когда староста толпы пожаловался на жару, а он вместо «потерпите» сказал: «Да, пожалуй, перерыв». В первый же день! Вторая — вечером. Третья и четвёртая — когда он при всех согласился с писцом. Начальник, который соглашается при всех, перестаёт быть начальником. Он становится собеседником.

Дорога пошла вверх. Пыль поднималась тонкой рыжей завесой и оседала на рукаве Джованни Марцелла, который стряхнул её двумя пальцами, брезгливо, как стряхивают муху.

А пятая и шестая — письмо. Вечером ему принесли пакет из столицы, запечатанный, на хорошей бумаге. Он не вышел к ужину. Читал, писал, снова читал, и свет у него горел до глубокой ночи. Я прошёл мимо дважды. По делам. Свет горел.

Когда приходит письмо оттуда, где решают, быть тебе или не быть, его читают один раз, сдержанно, и отвечают коротко, по форме, как ответил бы мой отец, мир его праху. А этот пишет так, будто там сидит добрый приятель, которому надо объяснить, почему сегодня не получилось.

Возница, не оборачиваясь, ослабил возжсы: впереди подъём стал круче.

Не думай, я не злопамятен. Я просто помню. Это разные вещи. А мигрень у меня оттого, что я слишком много замечаю. Врач так и сказал: «Вы слишком внимательны к деталям». Не то что некоторые, кто засыпает, едва голова коснётся подушки. Он, между прочим, спит, как младенец. Когда на плечах такое дело. Это не спокойствие. Это нечуткость.

Они миновали сухое русло, где кто-то уже расставил на камнях флажки из красной ткани. Джованни Марцелл проводил их взглядом, и губы у него дрогнули.

Флажки. Кто их придумал? Я не придумывал. Мне сооб-

щили утром, мимоходом, как сообщают погоду: «Вдоль русла будут флажки». А то, что красное на этом камне будет выглядеть как кровь, как дешёвый намёк, и каждый, кто хоть что-то смыслит, скажет: «Какая грубость!»? Я не скажу. У меня есть чувство меры. Но ему нужен размах. Ему нужно, чтобы народ «проявился». Я сам слышал: «Дай народу проявиться». Народ — стихия, а стихию держат в рамках. Я против беспорядка. А он к беспорядку питает слабость. Седьмая.

Он достал из рукава платок, вытер лоб и сложил платок в четыре раза.

Запомни: если спросят, это я назвал седьмую.

Ассистент едва заметно наклонил голову. Невозможно было понять, согласие это или просто движение шеи.

Вот, ты всё понимаешь. Ты у нас молчаливый, и я ценю: не у каждого хватает ума промолчать. Ты мог бы возразить, что я строг, но не возражаешь. Значит, согласен. Или думаешь так же, но боишься произнести. Тоже достойно. Я, кстати, тоже иногда боюсь. Ну, не боюсь, а... выбираю момент. Есть люди, которые бросаются в бой по первому зову. Их потом выносят.

Далеко впереди, в слепящем свете, показалась вереница людей. Они шли неровно, по двое и по трое, кто-то нёс на плече длинные жерди, кто-то тащил тюки. Над ними висела пыль.

Вот они. Без строя, без порядка. И он думает, что это кра-

сота. Когда человек принимает беспорядок за правду, это называется наивностью. На должности её зовут широтой взгляда. А у нас, у простых служилых, наивность — это просто наивность.

Повозка свернула, и стал виден далёкий холм, голый, рыжий, похожий на выбритый затылок.

Холм, ты смотри. Выбрал самый видный, чтобы потом сказали: «Вот, это он придумал». Хотя придумал, по сути, не он. Я знаю, откуда у него идея. Когда придёт время, я не буду молчать: скажу, кто что придумал, а кто всего лишь поставил подпись.

Лицо его, ещё недавно оживлённое, стало вдруг усталым и серым, будто с него смыли краску.

Голова. Опять висок. Ты не мог бы подать воды?

Ассистент отвинтил крышку фляги и протянул ему. Джованни Марцелл взял её, не глядя, отпил и вернул, так же не глядя.

Спасибо. Нет, не за воду. За то, что не споришь.

Колёса скрипели. Внизу, у подножия холма, кто-то уже расставлял людей по местам, а над всем этим, в раскалённом небе, не было ни облачка.

Двадцать один день, говорили мне. А я говорю: при таком руководстве хватит и недели, чтобы всё развалилось. И знаешь, что обиднее всего? Развалится, а виноватым буду я. Потому что я стоял рядом. Потому что у меня должность, а у него, видите ли, замысел.

Глава вторая. Как он приехал

Повозка остановилась у подножия холма. Возница спрыгнул и отошёл в тень, будто его здесь не было.

Выходим. Нет, подожди, дай мне минуту. Голова.

Джованни Марцелл не спешил. Он расправил складки на одежде, проверил, на месте ли печатка, вытер платком лоб, ладони и, неожиданно, подошвы туфель. Только после этого он вышел на землю и огляделся с видом человека, прибывшего с проверкой.

Над площадкой, на склоне, за аллеей одичавших кипарисов, белела вилла, огромная, с колоннами и длинной террасой, давно нежизненная и подновлённая к их приезду. Ниже, на утоптанной площадке, раскинулся временный городок: дома, навесы, склады, длинные лавки.

Ничего не изменилось. Вот что значит работа без хозяйского глаза. Хотя нет, глаз-то есть, только смотрит он не туда.

Ты помнишь, как он приехал? Нет, не отвечай, конечно, помнишь. Двенадцать дней назад, в такую же жару. Нас выстроили у ворот виллы, от поваров до писцов. Я распорядился, чтобы были в чистом, и сам проверял каждого.

Они пошли по тропе вдоль подножия холма, мимо людей, таскавших жерди, мимо ящиков, мимо деревянных лестниц, прислонённых к стенам. Люди расступались, но не особенно торопливо.

А он приехал без свиты. Одна повозка, один возница, один чемодан. Я приготовил встречу: красная ткань на столбах, речь, которую сочинял полночи, три варианта. А он вышел из повозки помятый, с красными глазами и пошёл не к нам. Мимо нас. К старику-вознице, что привёз нас в первый раз. И обнял его.

Обнял! Начальник, перед всеми, возницу. Я стоял со своей речью, как дурак со свечой. Это первое.

Потом он подошёл ко мне. Наконец-то, думаю. «Вы давно здесь?» — спросил он. И я рассказал, с самого начала: кто мы, что построено, что сломано, кто виноват. Пятнадцать минут, каждое слово по делу. Он слушал, кивал, смотрел так внимательно, что я решил: оценил. А в конце сказал: «Спасибо. Достаточно».

Он замедлил шаг. Рука, державшая платок, чуть сжалась.

«Достаточно». Не «благодарю», не «вы мне очень помогли». Так говорят слуге, который принёс лишнее блюдо. И пошёл дальше, а я ещё минут пять стоял с открытым ртом, потому что не успел сказать про сроки. Это факт номер два.

Из-за поворота показалась группа людей в светлых одеждах. Они несли длинное полотнище, свёрнутое в тугой рулон. Джованни Марцелл пропустил их и коротко кивнул старшему. Тот ответил кивком ещё короче.

Третий: он отказался от парадных покоев. Я сам выбирал: верхний этаж, терраса, вид на холм. А он сказал: «Не надо,

мне хватит угловой комнаты, остальное отдайте людям». И парадный зал отдали под общий стол! Теперь сорок человек едят там, где должен был принимать он, а он ложится в комнате, где раньше жила прислуга. Скромность? Нет, заигрывание. Он думает, что если жить вместе с людьми, они пойдут за ним в огонь.

Четвёртый: он дал писцу право менять текст. В первый же вечер. Писец говорит: «Здесь, пожалуй, слова лишние», а он вместо «Решения принимаю я» отвечает: «Может быть. Попробуйте». Попробуйте! Писцу дай волю, он перепишет и Писание. Пятую, шестую и седьмую я уже называл.

А ещё в тот первый вечер он сказал мне: «Господин Марцелл, всё должно выглядеть как правда. Не быть, а выглядеть». Я, разумеется, понял. Но так не говорят вслух, даже мне, даже ночью, даже в закрытой комнате. Это я в счёт не беру: это не слабина, это неосторожность.

Тропа вывела на открытое место. Вдоль неё стояли длинные деревянные лавки, и на каждой сидело по десять-пятнадцать человек. Кто-то ел, кто-то спал, привалившись к стене.

Видишь, как они сидят? Потому что он сказал: «Пусть отдохнут». А кто отдыхает в разгар дела? У него, видите ли, «человек должен прийти к работе живым».

Один из сидевших, молодой, лет двадцати, помахал ему рукой и крикнул что-то весёлое. Джованни Марцелл сухо улыбнулся и поднял ладонь, но не выше плеча.

Раньше говорили «господин Марцелл», а теперь «Джованни». Это он их так воспитал. Фамильярность — болезнь: передаётся от начальника к подчинённым, и не успеешь оглянуться, как твои приказы обсуждают у костра.

Восьмой случай — вчера. Вышел к людям без куртки, в рубашке, при такой жаре. Ходил между лавок, спрашивал, как у кого дела, и отвечал каждому. А я стоял рядом, держал куртку и ждал, что он вспомнит обо мне. Вспомнил в конце: «Спасибо, что поддержали».

Ассистент шёл рядом, на полшага позади. Взгляд его скользил по лицам людей, по лавкам, по рыжему склону.

Что ты смотришь? Хочешь сказать, что он добрый, что люди его любят? Это слышно даже в твоём молчании. А я скажу: доброта — не должность. Это то, что остаётся от человека, когда у него нет других достоинств. Мой отец говорил: «Джованни, добрых много, а нужных мало».

Он остановился. Перед ним, на утоптанной площадке, стояли двое: старик с седой бородой, который быстро что-то говорил, и высокий человек в простой тёмной куртке, который слушал, чуть склонив голову. Он был виден со спины, но в том, как он наклонился вперёд, угадывалось внимание, которого у Джованни Марцелла никогда не было.

А вот и он, наш Пилат. Двенадцатый день слушает. Ты слышал хоть раз «Я приказываю»? Я нет. Он говорит: «Мне кажется». Он говорит: «Давайте попробуем». Спрашивает рабочего, что тот думает! Рабочие отвечают всерьёз, длинно,

с жестами, а он потом делает по-своему. Они даже не замечают.

Человек в тёмной куртке повернул голову. Профиль мелькнул на фоне белой стены: усталый, острый, с глубокой складкой у рта. Он не увидел Джованни Марцелла, или сделал вид, что не увидел.

Девятый, — сказал Джованни Марцелл очень тихо. — Он меня не заметил.

Он поправил складки на груди и произнёс другим, ровным и деловым голосом:

Идём. У нас дела. Пока он слушает, кто-то должен работать.

Он пошёл вперёд. Ассистент последовал за ним.

Глава третья. Родословная

Рабочая комната Джованни Марцелла помещалась в низком каменном строении у подножия холма. Здесь было прохладнее, чем снаружи, но душно: окно, выходявшее на запад, он велел занавесить плотной тканью, и свет сочился сквозь неё мутно, цвета разбавленного вина.

Закрой дверь. Нет, плотнее. Здесь не должны слышать.

Ассистент прикрыл дверь и остался стоять рядом, сложив руки на папке. Джованни Марцелл опустился в кресло за длинным столом, на котором лежали папки с завязками трёх цветов: синей, красной и жёлтой. Он провёл по ним ладонью, будто проверяя, что ничего не пропало.

Ты думаешь (ну, не спрашиваешь, но думаешь), почему я так подробно слежу за ним. Хочу понять, откуда у него это место. Нет, это не зависть. Зависть — чувство низкое, я его не знаю. Просто разумный вопрос: человек двадцать лет сидит в этих стенах, в одном кресле, с одними папками, и вдруг над ним ставят кого-то со стороны. Откуда?

Он достал из ящика маленький канцелярский нож с жёлтой ручкой и принялся вертеть его в пальцах.

Жена. Нет, не смейся. Про её родню у нас вслух не говорят, и правильно делают. Говорят только, что в её жилах течёт та самая кровь, которая правит, и что отец её и дед сидели там, где имён не называют, а лишь понижают голос. Я не

утверждаю, я только замечаю. Человек без заслуг, без больших дел, а должность ему дали такую, что другие всю жизнь идут к ней и не доходят. Как это объяснить? Только тем, что рядом с ним женщина, которую там, наверху, считают своей.

А что бывает, когда человек получает место по родству? Он боится его потерять. Он держится за кресло, а кресло держит его. Отсюда и мягкость: для решений нужна уверенность, а его могут снять по одному слову из столицы. Поэтому и пишет им каждый вечер, поэтому и свет горит.

Нож замер в пальцах. Джованни Марцелл поднял глаза на ассистента, но тот смотрел в стену, чуть выше его головы.

Ты, наверное, думаешь: а сам-то? Нет, ты слишком воспитан. Но ответчу заранее. У меня тоже есть фамилия. Мой отец служил при таких людях, что при одном упоминании их имён замолкали разговоры. Да, фамилия помогла. Один раз, когда меня определили сюда. Но один раз не считается. Это порог: перешагнул, и дальше идёшь сам. Двадцать лет иду. А он перешагнул порог и сразу в кресло. Разве это справедливо?

Из-за стены донёсся глухой стук, потом голоса, потом смех. Джованни Марцелл поморщился и потёр висок.

Мне было двенадцать. Отец взял меня в приёмную, чтобы я видел. Было тесно, душно, пахло воском и чужой одеждой. В дальнем конце на возвышении сидел человек, от слова которого зависели судьбы. Люди подходили к нему один за

другим, склонялись, говорили что-то тихо. А мой отец стоял не рядом с ним, а в стороне, позади другого, более важного человека, и ждал.

Я спросил: «Почему ты не подойдёшь к нему сам?»

А он сказал: «Джованни, запомни: стоять надо на полшага позади. Оттуда видно всех, а тебя видно не всем. Кто выходит вперёд, первым получает и награду, и удар. А мы с тобой, сынок, люди осторожные».

И я запомнил. Это искусство: выбрать место, где тебя не касается то, что опасно, и слышно то, что важно. Ты, кстати, тоже это умеешь. Это достойно.

Ассистент не пошевелился.

Но вернёмся к нему. Я о здоровье. Ты видел его вчера? Бледный, глаза красные, пальцы дрожат, когда берёт воду. Он болен. У меня бывают приступы, но я хотя бы признаю: болею, терплю. А он делает вид, что здоров. Улыбается, шутит. Больной должен лежать, а не командовать.

Он быстро осёкся, прикусил губу, и в комнате стало совсем тихо.

Нет, не командовать. Руководить. Это разные вещи.

Одиннадцатая слабина: он не тянет. Всё держится на том, что ему кто-то подставляет плечо: то я, то писец, то начальник охраны. А он принимает как должное. Одиннадцать раз за двенадцать дней, и это только то, что видел я сам.

За окном, сквозь ткань, прошла чья-то тень, остановилась и двинулась дальше. Джованни Марцелл понизил голос:

Есть вещи, которые не следует произносить вслух, пока они не созреют. Когда это станет очевидным для всех, я буду первым, кто скажет: «Я предупреждал». А пока молчу. Молчание — тоже служба. Иногда самая тяжёлая.

Он встал, подошёл к стене и пальцем отодвинул край занавеси. Узкая полоса света упала на пол, на туфли ассистента. Он смотрел на холм, голый, рыжий, горячий.

Отец перед смертью сказал: «Джованни, ты всю жизнь будешь вторым. Не переживай. Второй живёт дольше».

Я тогда не понял. А теперь понимаю: от второго меньше требуют. Если что-то идёт не так, отвечает первый. А второй всегда может сказать: «Я лишь выполнял».

Он отпустил занавесь. Полоса света исчезла.

Но я не согласен. Слышишь? Не потому, что мне нужно быть первым. А потому, что я лучше подготовлен, лучше знаю, лучше чувствую. Это факт, как жара за окном.

Ассистент опустил глаза на папку. Джованни Марцелл заметил это и нахмурился.

Ты не согласен? Нет, я вижу, что не согласен. Ну, скажи что-нибудь. Хотя бы одно слово.

Тишина. За стеной снова послышались голоса, один, высокий, звонкий, выкрикнул чьё-то имя. Джованни Марцелл вздрогнул, выпрямился и одёрнул одежду.

Ладно. Молчи. Молчание тоже ответ. Скоро он созовёт всех, и надо быть в форме.

Он подхватил со стола красную папку и направился к

двери. Ассистент отступил, пропуская его, и последовал за ним.

Глава четвёртая. Тот, что при светильниках

От рабочей комнаты до зала собраний вела узкая дорожка, вымощенная плоскими камнями. По одну сторону тянулась глухая стена, по другую стояли приземистые домики. Возле самого дальнего, чьи ставни были плотно прикрыты, Джованни Марцелл замедлил шаг.

Видишь этот дом? Четвёртый день они там сидят. Он и этот. Часами. Вчера принесли им еды, она так и осталась на пороге. Люди работают, люди потеют, люди ждут указаний, а он сидит и разговаривает.

Ассистент остановился рядом. Из-за ставней доносились приглушённые голоса, один низкий, ровный, другой тише, мягче. Слов разобрать было нельзя.

Слышишь? Не спорят, не обсуждают, а именно говорят, как старые знакомые. Хотя они и есть старые знакомые. Вот что обидно.

Я не против него лично, я про Иешуа. Но вспомним, откуда он взялся. Три недели назад, большой зал, длинный стол. Нам привели человека. Имени его не называли, рекомендаций не было, ни слова от того, кто мог бы поручиться. Просто ввели и посадили. Меня даже не спросили: утром сказали «Будет разговор, будьте на месте». И всё. Это было реше-

ние нашего.

А я его не знал. То есть не так, чтобы знал: слышал. Он ходил при светильниках, из тех, кого зовут несущими свет, и говорили о нём много. Не громко, вполголоса, как говорят о человеке, который умеет то, чего не умеют остальные. Рассказывали, что стоит ему выйти с лампой на тёмный двор, и люди сами перестают шуметь и подходят ближе. Что за ним ходил десяток-другой своих, слушали, как он говорит про свет и тень, про то, что видно человеку и чего не видно. Фамилии его толком никто не помнил, зато слова помнили. И вот наш услышал о нём и сказал: «Вот он». Я бы хотел знать, какой гений видит в человеке с лампой лицо, на которое будет смотреть весь народ.

Он встал спиной к ставням, будто закрывая дверь собой от невидимых посторонних.

А ведь я сразу заметил, как он держится. Вызывающе спокойно. Слишком уверенно, слишком умиротворённо. Сидит, как в гостях, как будто его это не касается. Для человека в его положении это просто странно. Меня это задело, как заноза: мелочь, а всё время чувствуешь. Я так и сказал на совете: «Господа, этот человек ведёт себя неподобающе». А наш ответил: «Именно так и надо».

Голос дрогнул. Джованни Марцелл прокашлялся и выправил его.

Что это за ответ? Это каприз. Я привык, что за каждым решением стоит причина, которую можно записать, прону-

меровать, приложить к делу. А тут: «Именно так». Двенадцатая.

Они двинулись дальше, но через несколько шагов он остановился снова: из ближайшего дома вышла женщина с охапкой ткани. Она кивнула ему, не поднимая глаз. На рукаве ткани виднелось тёмное пятно.

Видишь? Это ему. Каждое утро ему подновляют ссадины на лице. Приходит женщина с мазью, с кистью, и подновляет. Я первый раз увидел, и меня передёрнуло. Человек, с которым всё по-настоящему, не нуждается в подновлении. А этот сидит, терпит, пока ему рисуют синяк под глазом, и улыбается. Говорит: «Спасибо, добрая душа». Она краснеет. И я думаю: чем он берёт? Из тех, о ком говорят вполголоса, что-то там зажигал. А люди тянутся. Пекарь приносит ему хлеб без счёта. Писец записывает за ним слова. Носильщик подставил ему скамеечку, чтобы не сидел на камне.

Ассистент молча смотрел вслед женщине. Взгляд его задержался на тёмном пятне, потом вернулся к закрытым ставням.

Мой отец сказал бы: «С такими здороваются кивком». А он мне: «Ты, добрый человек, не беспокойся». В первый же день, когда я пришёл его проверять. Я ему не добрый человек. Я Джованни Марцелл. У меня должность, двадцать лет в этом ведомстве. А он мне «добрый человек», как нищему на базаре.

Он повернулся к ставням, потянулся рукой, будто хотел

постучать. Остановился в нескольких пальцах от дерева.

Нет, я не стану стучать. Я не из тех, кто врывается. Но как мучительно знать, что за этой дверью что-то решается, а ты не допущен. Вчера я подошёл, сказал: «Мне кажется, мне стоит присутствовать на этих беседах». А он ответил мягко, как говорят больному: «Не сейчас, Джованни. Не мешай им». Три недели назад он не знал, как меня зовут, а теперь называет по имени и отсылает прочь. Тринадцатая.

Голоса за ставнями смолкли, будто кто-то прислушивался. Потом возобновились, тише, и сквозь дерево пробилась одна фраза, чёткая и неспешная, сказанная тем самым низким голосом, без нажима и без тени усмешки, как говорят о чём-то очень простом:

— Нужно сделать так, чтобы людям было во что верить. Джованни Марцелл отдёргнул руку и зашагал по тропе. Ассистент задержался на мгновение, словно хотел услышать ещё хоть слово, но звуки стали слишком тихи, и он двинулся следом.

Верить, — повторил Джованни Марцелл, не оборачиваясь. — Слышал? Не «успеть к сроку», не «свести расходы». Верить. Он говорит об этом так, будто это можно раздать, как хлеб, по числу ртов. Знаешь, что самое неприятное? Что он говорит это всерьёз.

И знаешь, чего я боюсь? Что он, этот человек с лампой, в конце концов окажется прав. Не в чём-то конкретном. Просто прав. И тогда всё, чем я жил, все эти списки, папки, ран-

ги, станет ненужным. Как будто нужны были не те, кто умеет, а те, кто просто есть.

Он на ходу сунул руку в рукав и проверил, на месте ли красная папка.

Но я ему об этом не скажу. Я человек сдержанный.

Впереди, у входа в зал собраний, уже собирались люди. Начальник охраны, широкий и мрачный, стоял у двери со сложенными на груди руками. Писец, сутулый, с чернильными пятнами на пальцах, что-то быстро говорил ему, не поднимая головы от бумаг. Оба замолчали, когда подошёл Джованни Марцелл.

Господа, — сказал он ровно и вежливо. — Прошу прощения за опоздание. Дела.

Начальник охраны кивнул. Писец ничего не сказал, но уголок его рта чуть дрогнул.

Глава пятая. Совет

Зал собраний был длинным и низким, с побелёнными стенами, на которых давно выцвели следы чьих-то рисунков. Посередине стоял тяжёлый стол из тёмного дерева, вокруг него четыре кресла. Три из них были пусты. В четвёртом, во главе стола, неподвижно сидел человек в простой тёмной одежде, держа в ладонях глиняную чашу. Отвар в чаше давно остыл, и на поверхности у края образовалась тонкая плёнка.

Он не поднял головы, когда вошли. Он смотрел, как они входят, один за другим, и в этом взгляде не было ни упрёка, ни приветствия, только внимательное, почти хозяйское ожидание.

Начальник охраны прошёл первым и тяжело опустился в кресло справа. Писец занял место слева, разложил перед собой листы и принялся, не глядя, разглаживать их по краям. Джованни Марцелл вошёл последним, помедлил на пороге, потом выбрал кресло в дальнем конце стола, у самой двери. Ассистент остался у стены за его спиной, и никто не сделал вида, что заметил его.

Не поздоровался первым, — подумал Джованни Марцелл.
— Четырнадцатое.

Ты видишь? Сидит, как изваяние. Хоть бы кивнул. Хоть бы дал понять, что мы нужны. Нет, он смотрит. Он любит

так смотреть, это у него такой приём, чтобы все чувствовали себя неловко. Только я чувствую себя прекрасно. Мне не в чем себя упрекнуть.

Начальник охраны кашлянул и поправил на груди ремень. Писец поднял голову, встретился взглядом с главным, коротко кивнул и снова склонился над листами.

— Ну что ж, — сказал наконец человек во главе стола. Голос у него был негромкий, чуть хриплый, как у человека, который долго молчал. — Сегодня как будто жарче, чем вчера. Вы спали?

Никто не ответил. Начальник охраны пожал плечами. Писец сделал неопределённый жест рукой.

— Я тоже плохо, — сказал главный и потёр висок двумя пальцами. — Ну, не в этом дело. Давайте по порядку. Нам нужно решить, как вести людей.

Он спросил о сне, — подумал Джованни Марцелл. — Он спросил о сне, вместо того чтобы сразу к делу. Пятнадцатое.

Главный развернул перед собой лист, на котором чьей-то рукой был нарисован простой чертёж: холм, дорога к нему, несколько линий, расходящихся в стороны.

— Расстояние, — сказал он, — примерно две тысячи шагов от нижних ворот до вершины. Мы можем пройти его медленно, и тогда шествие займёт до часа. Или быстро. Но быстро нельзя, я чувствую.

— Почему нельзя? — спросил начальник охраны. Голос у него был густой, привыкший к команде.

— Потому что тогда люди перестанут замечать. Им надо успеть увидеть.

— Увидеть что? — спросил начальник охраны.

— Что они захотят увидеть. Они должны уйти домой с чувством, что присутствовали при чём-то настоящем. Остальное неважно.

— Часа в такую жару не выдержат, — сказал начальник охраны. — Это я тебе говорю как человек, который с ними работает. Двести человек. Падать будут, как мухи. Я уже велел поставить бочки с водой на двух поворотах, но этого мало. Нужны люди с носилками, и чтобы сами падающие не портили картину.

— Пусть падают, — сказал главный.

Начальник охраны посмотрел на него.

— Если упадёт, — продолжил главный мягко, — подберём. Это тоже часть. Я не хочу, чтобы всё шло идеально. Мне нужно, чтобы шло правдиво.

Правдиво. Слово-то какое выбрал. Нет бы сказать «чисто» или «безупречно». Правдиво! Он думает, что правда это когда люди падают в обморок. Не удивлюсь, если ещё и крови потребует.

Писец тем временем что-то быстро писал на полях. Не поднимая головы, он тихо произнёс:

— Те слова на подъёме я бы убрал. Ему не нужно ничего говорить. Всё будет понятно по тому, как он идёт.

— Согласен, — сказал главный.

— Он ведь согласен с самого начала, — сказал начальник охраны, глядя в стол. — Мне порой от этого не по себе.

— Он знает, зачем, — ответил главный. — Это единственное, что всё держит.

Зачем, — подумал Джованни Марцелл. — Нам всем известно зачем. Об этом принято не говорить.

Согласен, — подумал Джованни Марцелл. — Просто так, без возражений. Только что человек вмешался в текст, который вы мне вчера называли почти священным, и вот вам: «Согласен». Шестнадцатое. Нет, семнадцатое, я пропустил про бочки.

Главный медленно повёл взглядом по столу. На мгновение глаза его задержались на Джованни Марцелле. Тот выпрямился и положил обе ладони на край стола.

— Хорошо, — сказал главный. — Что ещё? Господин Марцелл?

Джованни Марцелл, готовый к этому вопросу, откашлялся и заговорил, ровно, не торопясь, с той особой интонацией, которую он, наверное, считал деловой:

— Позволю себе заметить два соображения. Первое. Для порядка предлагаю удвоить цепь охраны по обеим сторонам дороги. Не из недоверия к народу, разумеется, а чтобы избежать эксцессов. Народ в такую жару непредсказуем. Второе. Было бы разумно провести пробное шествие накануне. Одно, а лучше два. Чтобы все знали свои места и не было неожиданностей.

Он замолчал, довольный. Начальник охраны слегка кивнул, словно признавая здравую мысль. Писец посмотрел на потолок.

— Пробное шествие, — повторил главный. — Два раза.

— Именно. Чтобы исключить импровизацию.

— Понятно, — сказал главный. — Я подумаю.

Подумает. Конечно. Пилат наш всегда думает. А потом делает как хочет. Ну, ничего. Я своё сказал.

Главный помолчал, потом откинулся на спинку кресла. Свет из узкого окна упал ему на лицо, и стало видно, как глубоко запали глаза, как резко обозначились скулы. Он потёр висок. Рука его слегка дрожала.

— Знаете, — сказал он, — из столицы пишут, что ждут результата. Точно к сроку. Не раньше и не позже. Я не знаю, как они себе это представляют. А те, что по ту сторону холма, торопят: им нужно, чтобы народ собрался к полудню, а не к вечеру.

Никто не ответил. Начальник охраны разглядывал свои ладони. Писец сделал вид, что поправляет лист.

— Ладно, — сказал главный и вдруг, очень спокойно, повернулся к дальнему концу стола. — Господин Марцелл. Я вижу, вы не со всем согласны.

Наступила тишина. Это была не пауза, а именно тишина, в которой стало слышно, как жужжит где-то за ставней муха, как поскрипывает ремень на груди начальника охраны, как шуршат листы под пальцами писца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.